

Лазурные шелковые занавеси свисали до самого пола, в комнате вился тонкий дымок благовоний, а резное окно было распахнуто наполовину, открывая вид на знаменитое Озеро Цинху прямо за ним. Перед окном стояла кушетка для отдыха, рядом с ней — чайный столик, на котором в белой фарфоровой вазе стояли ветки персика, еще покрытые утренней росой.

В комнату веял ветер с озера, принося с собой весеннее настроение; занавеси колыхались на лету, а человек на кровати все еще сладко спал. Распустившиеся по постели черные, как тушь, волосы придавали происходящему оттенок неги и распушенности.

Дверь снаружи кто-то внезапно толкнул, и в проеме показалось милое круглое лицо.

— Молодой господин, вы проснулись?

Человек на кровати перевернулся, издал невнятное мычание, и лишь спустя долгое время раздался сонный голос:

— Сяо Юй, заходи.

Мальчик, которого называли Сяо Юй, тут же с улыбкой вошел, неся в руках медный таз для умывания.

— Молодой господин, сегодня молодой господин Лянь Тун будет обучать вас музыке.

Человек на кровати приподнялся, в его черных глазах еще клубился остаток сна. Он уже полностью усвоил воспоминания этого тела и подумал: жаждать, чтобы тебя запомнили — поистине ничтожное желание.

Хотя Си Дэн очень хотел высказать всё автору, который взял и забросил его прямо сюда, но, вспомнив финал этого тела в оригинальном романе, невольно вздохнул.

Этот мальчик из веселого дома от начала и до конца оставался лишь трагическим персонажем. Он безответно любил главного героя-послушника Лянь Туна, но никогда не смел в этом признаться. В хитросплетениях главных героя и злодея он бесчисленное количество раз становился невинной жертвой: даже претерпел издевательства со стороны какого-то извращенного толстосума ради Лянь Туна, надеясь раздобыть серебра на его выкуп, но в итоге просто утонул. Он погибал уже на тридцатой проценте книги, а главный герой так и не узнал о его чувствах и о том, что он для него сделал.

Си Дэн легко улыбнулся и тут же вернул лицу выражение, ничем не отличающееся от привычного прежнему владельцу тела.

Сяо Юй поставил таз, подошел к кровати и зацепил свисавшие до пола занавеси специальными крючками.

— Молодой господин, умывайтесь.

Си Дэн слабо улыбнулся Сяо Юю, и на его лице засияла мягкая улыбка.

Он босиком ступил на пол, даже не заметив, как у стоявшего рядом мальчика мгновенно вспыхнули и покраснели щеки.

Размышляя над тем, что прежний хозяин тела производил впечатление милого и беззащитного кролика, Си Дэн, который всегда уважал заданные амплуа, не любил менять устоявшиеся образы и не имел привычки отвечать на пощечины главным героям.

Поскольку первоначальный владелец тела жил лишь до тридцатой главы романа, Си Дэн решил лишь сделать так, чтобы Лянь Тун узнал о совершенных им поступках и крепко запомнил его смерть.

Что же касается главного героя-завоевателя и прочих второстепенных ухажеров из книги, Си Дэн лишь мысленно пожимал плечами: кому есть дело до того, кто они такие...

Умывшись, Си Дэн под присмотром Сяо Юй переоделся в лазурное одеяние, подол которого украшала тонкая вышивка. Совсем скоро этому телу должно было исполниться пятнадцать лет, и приближалась так называемая ночь расцвета, когда юношам полагалось впервые познать близость. Сам же Лянь Тун был на два года старше Си Дэна и уже давно являлся главной жемчужиной Павильона Наньфэн.

Поскольку до ночи расцвета оставались считанные дни, в последнее время, дабы выгодно продать тело Си Дэна, его обучением занимался исключительно Лянь Тун.

Укутавшись в вуаль, Си Дэн направился во двор Лянь Туна. Будучи главной звездой павильона, тот обладал правом жить в отдельном дворе.

Слуга Лянь Туна стоял у входа и, заметив Си Дэна, сразу же с улыбкой встретил его:

— Молодой господин Си Дэн, мой господин уже ждет внутри.

В глазах Си Дэна мелькнула улыбка, он кивнул и вошел. Слугам не полагалось присутствовать на занятиях, поэтому Сяо Юй не стал заходить следом, а остался стоять со слугой Лянь Туна.

Слуга Лянь Туна легонько толкнул Сяо Юя локтем в бок:

— Чего это молодой господин Си Дэн сегодня выглядит немного иначе?

Вспомнив недавнюю улыбку Си Дэна, Сяо Юй почувствовал, как его щеки снова слегка порозовели, но ответил:

— Да нет же.

Си Дэн ступал по каменной дорожке вглубь двора и, приблизившись к центру, увидел облаченного в фиолетовые одежды человека, стоявшего к нему спиной.

Подумав секунду, он напустил на лицо улыбку, всем своим видом изображая невероятное послушание:

— Братец Лянь Тун.

Именно так — со всей возможной слащавостью он и окликнул собеседника.

Лянь Тун обернулся. Его утонченное, но отнюдь не женоподобное лицо в сочетании с неприступной аурой недостижимого горного пика заставляло любого потерять дар речи.

— Си Дэн, ты пришел. — Лянь Тун не был холоден с Си Дэном, уголки его губ слегка изогнулись в улыбке, от которой словно треснуло замерзшее озеро.

Вот только сам Си Дэн совершенно не собирался наслаждаться красотой Лянь Туна.

Он подошел ближе, всем своим существом напоминая безобидного кролика. Лянь Тун был выше его ростом, поэтому Си Дэну пришлось чуть приподнять голову, глядя на него снизу вверх. Его черные глаза были чисты, как вода — казалось, в них можно прочесть любые тайные помыслы:

— Братец Лянь Тун, какую мелодию мы сегодня учим?

Лянь Тун ответил:

— Тоска о разлуке.

Обучение музыке давалось Си Дэну нелегко: он то и дело ошибался в нотах. Сделав фальшивую ноту, он с досадой прикусывал нижнюю губу, а затем робко бросал на Лянь Туна виноватый взгляд.

Они сидели во дворе друг напротив друга. Цитра, стоявшая перед Лянь Туном, была во много раз лучше той, на которой упражнялся Си Дэн. Положив руки на струны, Лянь Тун не выказал особого недовольства ошибками ученика и лишь утешил его:

— Для новичка сносно. Продолжай усердно тренироваться, и всё наладится.

В глазах Си Дэна промелькнула тревога:

— Братец Лянь Тун, мой пятнадцатый день рождения уже совсем близко, но я... я совсем не готов.

Лянь Тун молча смотрел на него, не произнося ни слова.

Си Дэн поднялся на ноги, в несколько быстрых шагов приблизился к Лянь Туну и опустился перед ним на корточки. Запрокинув голову, он снизу вверх смотрел на собеседника, и тому открылся вид на его белоснежную, изящную шею.

Положив руку на колено Лянь Туна, Си Дэн заговорил слабым голосом:

— Братец Лянь Тун, мне действительно очень страшно. В его чистых глазах затаилась глубокая печаль. Он всем сердцем смотрел на Лянь Туна, и от этого взгляда у самого Лянь Туна возникало обманчивое ощущение, будто этот юноша всецело и полностью полагается лишь на него.

В конце концов Лянь Тун всё же опустил руку на темные волосы юноши. Раньше он и представить не мог, что Си Дэн способен на такое... хотя лицо оставалось тем же самым.

Лянь Тун погладил юношу по волосам, и в его взгляде тепла стало еще больше, чем прежде.

— Си Дэн, не бойся, я рядом.

У юноши были алые губы и белые зубы, белоснежная кожа и черные волосы. Он доверчиво улыбнулся Лянь Туну, а затем прижался головой к его коленям.

Налетел весенний ветерок, принес с собой волны цветочного аромата.

Когда Лянь Тун проснулся, его глаза еще завлакивала дремота. Он хотел было сразу приподняться, но тут в затылке резко закололо, и эта боль мгновенно прервала его движение.

На мгновение замерши, Лянь Тун перевел взгляд на дальний край кровати.

Юноша, прижавший щекой его волосы, спал самым безмятежным сном.

Весь последний месяц Си Дэн следовал за ним повсюду и учился у него. Накануне Си Дэн заявил, что сегодня у него день рождения, и попросил подарок заранее. Лянь Тун тогда и

помыслить не мог, что праздничным подарком Си Дэн назовет совместную ночевку.

Но Лянь Тун в конце концов не выдержал умоляющего взгляда юноши и уступил его просьбе.

Вглядываясь в спящее лицо Си Дэна, Лянь Тун заметил у него на губе какой-то подозрительный след. Неужели этот паршивец мало того что проспал всю ночь на его волосах, так еще и слюну пустил? От этой догадки Лянь Туну стало одновременно смешно и досадно.

Он осторожно вытянул свои волосы, а Си Дэн на ходу что-то невнятно пробормотал.

Двигаясь предельно тихо, Лянь Тун переоделся и вышел.

Едва переступив порог, он столкнулся со слугой, который как раз шел сюда с медным тазом в руках.

Слуга вытаращил глаза:

— Молодой господин, почему вы уже встали?

Лянь Тун вовсе не хотел будить того, кто еще спал в комнате, поэтому лишь бросил:

— Умоюсь в другой комнате.

Закончив умываться, Лянь Тун увидел, что Си Дэн отворил дверь. Мало того что тот стоял босиком — пара его похожих на белый нефрит стоп касалась прямо деревянного пола, — так он еще даже не накинул верхнее ханьфу, а завязки на нижнем белье небрежно болтались, так что сквозь них смутно проглядывала кожа.

Темные волосы Си Дэна рассыпались по спине. В свои четырнадцать-пятнадцать лет он обладал той особенной внешностью, в которой трудно было с уверенностью различить юношу и девушку.

Слуга, стоявший во дворе, едва взглянув на это, тут же густо покраснел и потупил взор.

Лянь Тун же нахмурился, в несколько шагов подошел к Си Дэну и заговорил резким тоном, хотя сам даже не заметил этой перемены:

— Почему ты выскочил в таком виде?

Си Дэн ошеломленно посмотрел на него, а спустя мгновение его глаза покраснели.

— Я думал, ты ушел и бросил меня.

Закончив говорить, он с видом обиженного ребенка, который вот-вот заплачет, уставился на Лянь Туна.

В это ясное весеннее утро Лянь Тун впервые в жизни отчетливо понял, что дело принимает дурной оборот.

Ему вдруг захотелось заключить этого юношу в объятия.

— Ну и дурачок же ты, — тихо произнес Лянь Тун.

Наступил вечер.

Вернувшись из внутреннего двора Лянь Туна, Си Дэн оказался во власти целой толпы суетливых слуг.

Те были готовы сделать всё возможное, лишь бы преобразить Си Дэна так, будто равных ему не сыскать ни на небесах, ни на земле.

Хозяину Павильона Наньфэн было около тридцати, и в прошлом он сам начинал как продажный мальчик-телохранитель. Увидев окончательный образ Си Дэна, он пришел в неописуемый восторг, даже подбежал ближе и легонько коснулся губами волос юноши.

— Си Дэн, я так и знал, что ты станешь вторым Лянь Туном.

В свое время цена за первую ночь Лянь Туна потрясла весь город.

С тех пор за ним прочно закрепился статус главного красавца заведения.

Нижний зал уже ломился от гостей. Хозяин Павильона Наньфэн заранее распустил слухи, что мальчик, у которого сегодня состоится инициация, ничуть не уступает самому Лянь Туну. Да и кто не знает, как трудно хотя бы просто взглянуть на Лянь Туна? К этому мифическому второму Лянь Туну они испытывали смешанные чувства — с одной стороны жгучее любопытство, с другой — откровенную злобу. Если бы этот новичок не оправдал ожиданий, они бы непременно в пух и прах разнесли и бесстыдного хозяина, и этого наглого мальчишку.

По заведенному порядку хозяин объявил правила аукциона, а затем принялся на все лады расхваливать Си Дэна — так усердно, что даже сидевшему на втором этаже Си Дэну стало смешно.

Уж язык подвешен у этого хозяина заведения на славу.

Послушав его речи какое-то время, гости внизу наконец потеряли терпение и принялись шумно требовать появления Си Дэна.

Хозяин расплылся в улыбке:

— Поспешишь — людей насмешишь, — после чего обернулся и отдал знак рукой.

Слуга тут же почтительно согнулся рядом с Си Дэном и произнес:

— Молодой господин Си Дэн, спускайтесь.

Слегка кивнув, Си Дэн поднялся на ноги и окинул взглядом окрестности, будто что-то выискивая, но тут же отвел глаза.

Посетители на первом этаже наконец смогли воочию лицезреть легендарную красоту.

Красавец был облачен в огненно-красные одежды, а лицо его скрывала искусно расшитая вуаль. Опустив взгляд и ступая плавной походкой, он постепенно явил зрителям удивительную особенность своего наряда, состоявшего из бесчисленных слоев тончайшей ткани: сквозь них смутно угадывались очертания кожи. Эта призрачная, ускользающая красота вмиг заставила умолкнуть весь зал. Особенно когда красавец остановился на середине лестницы и бросил короткий взгляд на толпу внизу — этот исполненный безмятежности взор в одно мгновение пленил сердца бесчисленных мужчин.

Лишь когда Си Дэн поднялся на помог и перевел взгляд вперед, в зале словно очнулись от сна.

Кто-то взвыл недовольно:

— Чего это на сцене все еще прячешься? А ну сними вуаль, не урод ли часом прячется под ней?

Бросив взгляд на хозяина, Си Дэн сам снял с лица вуаль.

Зал погрузился в тишину, ставшую еще более тяжелой, чем прежде.

Лишь спустя долгое время кто-то робко захлопал в ладоши:

— И впрямь несравненная красота.

Услышав этот голос, Си Дэн повернулся на звук. Обладатель столь ярко выраженного характера главного героя-наильника действительно оказался именно тем самым ведущим персонажем.

Си Дэн едва заметно улыбнулся, являя миру образ абсолютной покорности и незащитности.

Если Лянь Тун походил на гордый цветок на недоступной вершине, то Си Дэн казался нежным растением, выращенным в саду с заботливым уходом: пусть первый ценился неизмеримо выше,

но до второго можно было легко дотянуться рукой, и оттого он казался куда ближе и уютнее.

<http://bllate.org/book/22136/2306393>